

Покидая колыбель

Сергей Звонарев

ФАНТАСТИКА

Планета есть колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели.

К.Э.Циолковский

Ирина сказала Андрею, когда до возвращения со станции осталось меньше недели.

— Беременна? — растерялся он. — Но... но как же так получилось?

Ирина сдержалась, чтобы не ответить колкостью.

Потом Андрей задал все те обычные вопросы, которые в таком случае приходят на ум мужчинам: «А ты не ошиблась?.. А когда?..» — и, наконец: «Как ты себя чувствуешь?»

На последний вопрос она не ответила: на глазах выступили слезы. Андрей обнял ее и уже хотел сказать, что плакать не надо (потому что космонавты не плачут), что через неделю они будут на Земле (все трое), но тут он вспомнил про перегрузки. И про то, что из пяти последних спусков «Союза» два прошли по баллистической траектории. А еще он вспомнил, что Ирина — до того, как попала в отряд космонавтов, — уже пыталась родить, лежала на сохранении, но напрасно: преждевременные роды, плод не выжил, ее саму еле спасли. И вердикт врачей: детей не будет. На мгновение Андрей представил себе страшное: она истекает кровью прямо в скафандре, а он лежит рядом, придавленный к креслу перегрузкой, и ничем не может помочь.

— Мы придумаем что-нибудь, — тихо сказал он. — Ты слышишь? Обязательно придумаем.

— Беременность на орбите связана с большими рисками, — потом сказал Андрей, — могут быть осложнения на сердце, да мало ли еще что.

Ирина молчала.

— С другой стороны, — продолжил он, — спуск на «Союзе» для тебя слишком опасен. Воробьев обещал связаться с американцами, может, они расчехлят «Атлантис». Но шансов мало. Разумеется, медики предлагают сделать аборт.

— И что ты ответил? — Голос Ирины дрогнул.

— Что мы не согласны. Конечно, они хотели поговорить с тобой. Но я сказал, что ты не в настроении. Беременные, они часто капризничают.

Ирина почувствовала облегчение. Для себя она сразу решила, что делать аборт не будет. Собственно, поэтому она и медлила, не хотела говорить раньше времени, тянула до последнего.

— Так или иначе, решать нам, — сказал Андрей. — С учетом того, что ты чувствуешь себя хорошо, а уже пятый месяц... В общем, я предлагаю остаться. В ЦУПе полагают, что малыша можно спустить и на «Союзе».

— А детское кресло сделают?

— И даже детский скафандр, — улыбнулся Андрей, — и новый корабль: «Союз-С» — семейный!

Последние двадцать часов Андрей провел почти в непрерывных переговорах со специалистами ЦУПа. Это после того, как руководитель полета Воробьев и еще пара начальников рангом пониже довольно долго высказывали ему все, что о нем думают. Канал был открытым, поэтому они выбирали выражения. Потом, разумеется, профессионализм взял верх.

— Еще один момент, — сообщил Андрей. — Нашу беременность хотят оформить как медицинский эксперимент — со всеми анализами, отчетами и так далее. Воробьев сказал, что тогда будет легче найти деньги на продолжение полета.

— И во сколько мы ему обойдемся?

— Пока трудно сказать, но не меньше ста миллионов.

— У нас будет самый дорогой малыш на свете, — улыбнулась Ирина.

— А я и не сомневаюсь, — откликнулся Андрей.

— Как мы его назовем? — спросила Ирина.

Роды прошли легко, помощь Андрея почти не понадобилась. Малыш выглядел необычно худым, отчего голова казалась непропорционально большой. И еще — длинные пальцы на ногах, словно бы природа колебалась: а не дать ли ему вместо ног еще одну пару рук? Разумеется, весь процесс записывали на камеру. В ЦУПе клялись, что запись будут смотреть только специалисты, но Ирина не сомневалась, что вскоре она окажется на YouTube.

— Пусть будет Юра, — предложил Андрей.

— В честь Гагарина?

— Ну да. Первый человек, побывавший в космосе, и первый, кто там родился. Красиво получается.

— Юра так Юра, — согласилась Ирина. Само имя нравилось. А если оно нравится Андрею, то чего еще надо? «Мы опять первые, — пришло ей в голову, — как и полвека назад. Кто бы мог подумать».

— Может, попробуем сейчас? — предложил Андрей. — Спит вроде крепко.

Ирина, обняв сына, любовалась им. Его лицо выражало абсолютный покой. В невесомости есть свои плюсы — можно не бояться уронить малыша. «Когда мы вернемся, надо будет учиться его носить», — подумала она.

Когда вернемся... «Союз» с детским креслом давно уже был пристыкован к станции. Возвращению мешало одно — малыш не хотел на Землю. Он боялся ощущения тяжести. Нагрузочные костюмчики, сшитые для маленького, вызывали у него панику, равно как и попытки сделать специальный массаж. Индивидуальные особенности вестибулярного аппарата — таков был вердикт медиков. И что с этим делать? Неизвестно. Летите на Землю, а там посмотрим. И вот теперь — последняя надежда: центрифуга.

— Ладно, — согласилась Ирина, — давай попробуем.

Вместе с маленьким она уселась в кресло, закрепила ремень. Андрей включил мотор. Ирина почувствовала, как сына прижимает к ней. Она пошевелилась, устраиваясь удобнее для него.

— Одна десятая «же», — сказал Андрей.

Малыш беспокойно заворочался. Ирина склонилась над ним, шепча ласковые слова. Тихонько гладила его.

Не помогало.

— Две десятых «же».

Малыш проснулся. В глазах — ужас.

— Тормози! — закричала Ирина. — Тормози сейчас же!

Мотор центрифуги смолк. Лицо малыша исказилось грима-

сой, и он разрыдался. Придерживая сына одной рукой, Ирина возилась с ремнями. Не переставая рыдать, малыш сильно дернулся, тело его изогнулось, и он вырвался из рук матери. Наконец Ирина справилась с ремнями, подлетела к малышу и обняла его. «Все, Юра, все, — зашептала она, — больше не будем, не будем...»

Никогда еще Земля не была от них так далеко.

— Мы можем дать Юре успокоительное, и он проспипт весь путь на Землю, — предложил Андрей.

— А что потом? Когда он проснется?

— Есть же программы реабилитации.

— Да, для тех, кто вернулся на Землю. А Юра на ней никогда не был.

— Ну хорошо, а ты что предлагаешь?

Андрей старался, чтобы Ирина не почувствовала его раздражения. Но с каждым словом сдерживаться было все сложнее.

Ирина пожала плечами: дескать, там видно будет. Она прижалась губами к животику малыша.

— Послушай, — продолжил Андрей, — нам все равно придется вернуться, рано или поздно. Чем дольше мы здесь пробудем, тем труднее ему будет адаптироваться.

Ирина молчала. Андрей подплыл к ней, обнял за плечи.

— Он привыкнет к силе тяжести, обязательно привыкнет! А то, что Юрка плачет, — ничего страшного, ведь малыши часто плачут, разве не так?

Она вспомнила ужас в глазах сына. И взгляд, молящий о помощи.

— А если жизнь на Земле станет для него кошмаром?

— Таково просто не может быть. Он же человек, Ирина, та-кой же, как и мы! — Раздражение невольно прорвалось, но Андрею уже было всё равно. — Юра должен жить на Земле, вместе с нами!

«Он говорит о малыше как о постороннем, — подумала Ирина, — или даже хуже — как о помехе нашему возвращению».

— Ресурс «Союза» закончится через два дня, — напомнил Андрей, взяв себя в руки. — Нам нужно принять решение.

Лицо сынишки сморщилось, он опять заплакал. Ирина расстегнула молнию, дала ему грудь. Тот сразу успокоился.

— Мы спускаемся завтра, — сказал Андрей. — Подготовься, пожалуйста. И не забывай, что я — командир экипажа.

Ей снился сон: они втроем в модуле «Звезда», у входа в стыковочный отсек. Малыш, рыдая во весь голос, жмет к Ирине, Андрей с искаженным от злости лицом кричит на нее, а потом пытается схватить сына. Ирина уворачивается и, прикрывая собой малыша, пытается выбраться из отсека, но Андрей хватает ее и грубо пихает назад, к люку, сквозь который виднеются кресла «Союза». Теперь уже кричит и Ирина, она умоляет Андрея остановиться, но напрасно... Они уже внутри «Союза», корабль отстыковался от станции и устремляется к Земле. В глазах малыша знакомый ей ужас и мольба о помощи, да только теперь уже поздно, она ничем не может ему помочь...

Ирина проснулась. Слава Богу — только сон. Сердце сильно билось, малыш у нее на груди беспокойно ворочался. Он лежал в конверте, пристегнутом молнией к костюму Ирины. Еще одно преимущество невесомости — можно спать вместе с маленьким, не боясь его раздавить.

Она взглянула на часы — до подъема долго. Сон к ней не шел, в голове вертелись тревожные мысли. «Мы спускаемся завтра...» Нет, не завтра — уже сегодня.

Надо поговорить.

Ирина нашла Андрея в «Куполе». Виды планеты, плывущей под станцией, завораживали — на них можно было смотреть бесконечно, как на огонь или море. Именно здесь, в «Куполе», они зачали малыша. Андрей услышал ее, но не обернулся. Она тихонько кос-

нулась его плеча — оно было чужим и твердым, словно из камня. Ей показалось, что ее сон начинает проникать в реальность.

— Ты можешь вернуться один, — предложила Ирина.

Он не ответил. Молчание разрасталось — будто пропасть, перешагнуть которую с каждой секундой все сложнее. И даже если потом верные слова будут сказаны, память об этом молчании останется на всю жизнь.

— Я боюсь тебя, — вырвалось у Ирины, — видишь, чего ты добился, — теперь я тебя боюсь.

— Это ошибка, — глухо произнес Андрей, — ты лишаешь нашего сына нормальной жизни.

— Ты не знаешь наверняка, — возразила она, — и никто не знает. Я не хочу рисковать.

— Оставаясь здесь, мы подвергаем его большему риску.

«Зачем спорить? — пронеслось у нее в голове. — Мы все равно друг друга не убедим».

Малыш у нее в конверте опять заворочался — голоса родителей тревожили его. Ирина поплыла прочь из модуля.

Андрей, не отрываясь, смотрел на Землю.

Почти весь следующий день Ирина вместе с сыном провели в «Куполе».

Малыш плавал у окон, тихонько отталкиваясь от стенок пальцами рук и ног. Иногда, глядя на Землю, он заливался смехом и поворачивался к матери: мол, заметила ты или нет? Ирина рассеянно улыбалась, машинально отмечая то, что могло привлечь внимание сына: зарождающийся ураган в Атлантике, стая кучевых облаков, ни одно из которых не повторяло другое, очередной восход Солнца... Она считала обороты — восьмой, девятый: апогей этого длинного дня. В голове ее прокручивался постоянный диалог с Андреем, в котором она убеждала его остаться на станции. В какой-то момент сквозь привычный шум постоянно работающих систем она услышала, как Андрей на повышенных тонах говорит с ЦУПом. И в этом разговоре — вернее, в раздраженном тоне мужа — была для Ирины надежда.

День закончился, Андрей за ними так и не пришел. Она не спала до четырех ночи, всё не верила и придумывала себе страхи — вот она заснет, а он запихнет их в «Союз»... Потом усталость взяла верх, и Ирину сморил сон.

Снов на этот раз не было.

Дни бежали один за другим. Ирина с Андреем общались мало — она чувствовала, что он растерян и все еще не знает, как поступить. Сама же она, как и любая мать после рождения ребенка, привыкла жить теми мелкими — и не очень — проблемами, которые возникали постоянно и требовали немедленного решения. Она не думала о том, что будет через месяц или два, ей казалось, что все устроится само собой. Может быть, Юра перестанет бояться тяжести, или... или что? Ирина не знала, она гнала от себя вопросы, на которые не было ответа. А на Земле по-прежнему не могли понять, как избавить малыша от «гравифобии».

Она все время проводила с сыном, не уставая любоваться им и удивляться. Пальцы ног — длинные, почти такие же, как на руках. Что это — случайная мутация или ответ природы на невесомость?.. Тельце сынишки было очень стройным, и на младенца он нисколько не походил. Тонкие кости, никаких перетяжек на ручках и ножках. Весил он меньше нормы, что поначалу весьма беспокоило Ирину, но потом она перестала тревожиться: ведь Юра чувствовал себя хорошо, плакал редко, спал долго — мечта, а не ребенок. У него быстро развивалась двигательная активность. В то время как его сверстникам постоянно нужна была помощь родителей — даже для того, чтобы просто перевернуться, — Юра мог перемещаться в пространстве, как хотел. Больше всего он любил играть с большим

— размером с него самого — глобусом: осторожными движениями добивался вращения шара, и Ирина как-то заметила, что период этого медленного вращения соответствует периоду оборота станции...

Однажды, после очередного разговора с Землей, Андрей сообщил Ирине:

— Нам предлагают работу.

— Работу? — удивилась она. — Кто же?

— Телекомпания «Глобал». У нее большая орбитальная группировка, спутники дорогие, каждый стоит под миллиард долларов. Нам предлагают заниматься их ремонтом.

— Ремонтом? И как ты это себе представляешь?

Андрей улыбнулся:

— Очень просто. Берем молоток, бьем куда нужно — бац! — и спутник снова в деле.

— А если серьезно?

— Ну представь: на спутнике не раскрылась солнечная панель — все, считай, деньги выброшены на ветер. А проблема, может, совсем пустяковая — только решить ее в космосе некому. Вот тут-то мы и пригодимся! Конечно, надо будет переделать «Союз», потому что сейчас он слишком тяжелый, чтобы гонять его с одной орбиты на другую, но принципиальных проблем здесь нет. «Глобал» готова заключить отдельный контракт с «Энергией» на доработку «Союза».

— Слушай, а зачем нам вообще это нужно?

— Да есть тут у меня одна идея. Хочу прикупить кое-что. Полмиллиарда долларов, и у нас будет детская. Вот, смотри!

И перед глазами ошарашенной Ирины предстала схема модуля в разрезе. Большой, метров десять в диаметре, шар, очень просторный: все, что нужно, размещалось по его стенкам. С внешней стороны шар покрывала мозаика солнечных батарей, а по его диаметру шла цепочка иллюминаторов.

— А это что? Неужели газон?

— Точно. С настоящей травой. А вокруг него — ручей.

— Ты шутишь?

— Да нет. Движущаяся дорожка с гидрофильной поверхностью, вода будет увлекаться ею.

Все эти новости выбили Ирину из колеи.

— Знаешь... это, конечно, здорово, но как-то нереально, прямо не верится. Неужели это возможно?

— Все удовольствие около пятисот миллионов — считай, по себестоимости, — невозмутимо продолжил Андрей. — Для нас специальная скидка, мы ведь самая знаменитая пара в мире. Разумеется, после Брэда и Анджелины, — усмехнулся он. — В общем, надо брать, пока дают.

— А у нас разве есть пятьсот миллионов? — лукаво поинтересовалась Ирина. — Ты что, откладывал с зарплаты? И ничего мне не сказал?

— «Глобал» даст нам кредит. Если, конечно, мы подпишем контракт.

— И на какой срок?

— На два года. — Лицо Андрея стало серьезным.

— На два года? И ты... ты согласен?

— Пожалуй, да. Наконец заживем по-человечески. Разобьем сад и огород, будем устраивать пикники. Чем мы хуже тех, что внизу? — снова улыбнулся он. — Ну, что скажешь?

— Я... я не знаю, — растерянно проговорила она.

«Мы больше не вернемся на Землю, — промелькнула у нее мысль. — Вот что означает этот контракт». Но все-таки спросила:

— Ты считаешь, мы останемся здесь так надолго? Останемся... навсегда?

— Я не знаю, — просто ответил Андрей. — «Навсегда» — это очень долгий срок. Мало ли что еще случится. Может, Юрка захочет на Землю. Тогда, — улыбнулся он, — придется бросить все и вернуться.

ФАНТАСТИКА

— Но этот контракт, этот кредит... у нас ведь будут обязательства?

— Да ладно тебе, Ира. Ну что они с нами сделают, если мы решим вернуться через полгода?

«А в самом деле, что? Разве нам могут помешать?»

Уверенность Андрея успокоила ее.

— Я согласна. Давай попробуем.

— И какой у нас баланс, дорогая?

— Плюс сто семнадцать миллионов, — ответила Ирина. — Это с регулярного контракта. И еще десять должны перевести китайцы за ремонт «Шэньчжоу», а сорок — НАСА за «Хаббл». Так что живем, можно подумать о пристройке!

— «Хаббл» для нас — просто золотое дно, — заметил Андрей, — постоянно там что-то ломается. Кстати, ты, наверное, в этом году войдешь в десятку богатейших женщин России. Поздравляю!

— Спасибо, — хмыкнула Ирина, — надо же: из грязи в князи.

Сквозь иллюминатор «Небесного дома» было видно, как очередной «Прогресс» приближается к стыковочному узлу. Приятно сознавать, что есть нечто постоянное в этом космическом мире. «Наверное, «Прогрессы» будут летать еще лет сто», — подумала Ирина.

Процедура стыковки закончилась, и Андрей открыл люк. Юра тут же забрался внутрь грузовика.

— Вот он! — воскликнул Андрей. — Юрка, ну-ка подай сюда этот ящичек!

— Это игрушка? — Глаза ребенка светились радостью.

— О да! — подтвердил отец. — Игрушка, да еще какая! Особо для родителей.

— Андрей, ну хватит тебе! — урезонила его Ирина. — Будь, пожалуйста, серьезнее.

— Все, все, молчу.

Пока он собирал аппарат, Юрка крутился поблизости, то и дело предлагая свои услуги. Андрей включил питание, и по небольшому экранчику побежали команды загрузки, а потом на нем замерцало черно-белое изображение.

— Ну что там? — спросила Ирина, вытягивая шею.

— Сейчас, сейчас, — сосредоточенно пробормотал Андрей, двигая детектор, — ага, вот оно!

— Что, увидел?

— Кажется, да!

— Ну, и кто у нас?

Андрей медлил, любясь нетерпением Ирины и предвкушая, как в ее глазах вспыхнет радость. Юрка, подплыв к отцу сзади, заглянул ему через плечо.

— Девочка, — сказал Андрей. — Готовься, сын, у тебя будет сестренка!

